

«Пошли, Боже, хорошо петь...»

Иван Козловский никогда не пел на клиросе

Козловский Иван Семёнович 26.03.04.
Кедровская - 2004 - 26 марта с. 15. - (Прилож. НГ Англический 2004 г.)

Игорь Алферов,
Валентина Воронова

В среду, 24 марта, исполнилось 104 года со дня рождения Ивана Козловского, одного из крупнейших певцов минувшего века, великого тенора русской оперной сцены. Сегодня читателям «Независимой газеты» об Иване Козловском рассказывает его внучка, Анна Козловская, которая живет со своей семьей в квартире деда, в Брюсовом переулке.

Анна Юрьевна, среди многочисленных мемориальных досок, установленных на вашем знаменитом доме, мы не нашли доски вашему деду. Почему?

Действительно, ее до сих пор нет. Надгробный памятник на Новодевичьем кладбище уже установили. Кстати говоря, это произошло благодаря активной помощи Владимира Викторовича Васильева, в бытность его директором Большого театра, и известного тенора Большого театра Зураба Лаврентьевича Соткилавы. А вот вопрос с мемориальной доской на доме повис в воздухе. Уже в 1994 году, через год после смерти дедушки, мы начали обращаться по этому поводу в разные инстанции, но доску до сих пор так и не установили.

С какого времени вы помните своего деда?

Пожалуй, с 1970 года, когда дедушке было уже 70 лет, а я была еще маленькой. И с тех пор до последних дней его жизни мы были очень дружны. Он очень на меня повлиял за те двадцать лет, что мы были рядом. И чем дольше я живу, тем больше понимаю, насколько важным было для меня его влияние. Мы очень о многом с ним разговаривали. Дед относился ко мне доверительно и потому говорил со мной откровенно. Я была у него единственной внучкой.

Мы жили неподалеку отсюда, поэтому я могла часто бывать в доме деда. Особенно когда стала ходить в школу. Она была здесь, рядом, за углом. В школе нас кормили плохо, и я почти ежедневно старалась зайти к дедушке повидаться и вместе с ним пообедать. Хотя в то время, когда я приходила, дедушка только садился завтракать.

Позже, во время учебы в университете, я заходила к нему реже. Но все равно мы виделись с дедом по несколько раз в неделю. Для меня это были очень хорошие времена. Дедушка часто ходил на концерты в консерваторию. Многие этому удивлялись, потому что обычно музыканты редко ходят на концерты, в которых они не заняты. А он обязательно два-три раза в неделю бывал на концертных залах. Один ходил не любил и часто брал меня с собой. Иногда мы ходили вместе гулять по вечерним московским улицам. Дедушка был умным, интересным собеседником.

А каким, по вашему мнению, был характер деда?

Чтобы точнее ответить на этот вопрос, нужно вспомнить его детство. Ведь когда ему было немногим более семи лет, он перенес сильное душевное потрясение – мать отправила его из родной деревни Марьяновка в Киев, в церковно-приходскую школу при одном из монастырей. Там он жил, учился, пел в церковном хоре, но очень страдал от обиды, что его отлучили от родного дома. Эта обида всю жизнь бередила его душу и, видимо, повлияла на формирование характера. Он был сложным ребенком, и его отношения в обителях складывались не просто. Религия же стала его убеждением, потребностью души. Он всегда ходил в храм, искренне соблюдал православные обряды, постился. Правда, нужно заметить, что он никогда не пел в храме на клиросе и ходившие в свое время слухи по этому поводу не соответствовали действительности. Дед всегда молился перед едой, только читал не традиционную, а составленную им самим молитву.

Вы ее помните?

Помню! Она звучала так: «Пошли, Боже, хорошо петь, прославлять род свой, долго жить на свете». Жизнь показала, что Бог услышал его молитвы.

Он был человеком строгих нравов и умел высоко нести свое человеческое достоинство. Он прекрасно понимал, что голос – дар Божий и, чтобы его сохранить, нужно обладать большим терпением и самодисциплиной.

Жить без пения он просто не мог. Я уверена, что его призвание было предопределено свыше.

Ему это было написано на роду, потому-то и судьба складывалась так, как было угодно Богу. – А когда, по-вашему, он осознал, что его призвание быть певцом?

По современным меркам дед был просто пуританин

Например, после спектакля или концерта, а также после принятия горячей пищи или чая он как минимум час или полтора не выходил на улицу. А выходя из дома, непременно закрывал горло длинным теплым шарфом. На улице не разговаривал, если была плохая погода, тем более зимой. Никогда не целовался в губы, избегая от случайной инфекции. Поэтому, насколько я помню, у него никогда не было насморка, не болело горло.

По своим душевным качествам он был человеком отзывчивым и добрым, но та самая детская обида породила в нем настороженность в отношении к людям. Это сказалось не только на его личной жизни, но и проявилось в решительном поступке, когда в 1954 году он ушел из Большого театра.

Иван Семенович покинул оперную сцену, когда ему было всего лишь 54 года. В чем же была причина его ухода?

В тот год дедушка был в длительной гастрольной поездке по стране. Желая послушать «самого Козловского» оказалось так много, что он согласился давать по два концерта в день вместо одного, установленного правилами. Сейчас бы этот порядок вызвал недоумение, но тогда его непослушание сыграло плохую роль. В «Комсомольской правде» появился фельетон модного тогда газетчика Нариньяни, в котором автор обвинял Козловского в стяжательстве. Якобы певец требовал за концерты двойную ставку! Заканчивался фельетон оскорбительной фразой: «Как не стыдно человеку зарабатывать столько денег?» И это бросили в лицо человеку, который во время войны добровольно, как истинный христианин, построил на свои деньги танк, а позже в своем родном селе построил и оборудовал детскую музыкальную школу.

Наверное, сейчас, прочитав об этом, люди будут смеяться или возмущаться, вспоминая обстановку в стране в 50-е годы. Но тогда деду было не до смеха. Его, уважаемого народом ведущего певца оперной сцены, фактически публично обидели грязью. Он обратился за помощью в администрацию Большого театра, но не получил должной поддержки. И тогда пришло решение: уйти из театра.

После этого он не выступал два года, хотя сохранил прекрасную форму. И только поз-

О его раннем детстве мы уже говорили. А позже, когда у него начал ломаться голос, он вернулся в Марьяновку и, понимая, что петь ему нельзя, ушел в соседнюю деревню и там уединился, вел аскетическую жизнь. Чтобы прокормиться, работал в конюшне. Дед с детства любил лошадей. Он хорошо держался на лошади, умело ими управлял и с удовольствием за

В храме.

ним ухаживал. Свою привязанность к лошадям он пронес через всю жизнь. Был такой замечательный случай. Для деятелей культуры организовали скачки на ипподроме. Дед принял участие в этих скачках и даже выиграл заезд. На него из всех присутствующих поставили ставку в тотализаторе только

один человек, который и получил большую по тем временам сумму. Его любовь к лошадям передавалась по наследству моей маме и дальше моей дочери Соне, которая обожает ездить на лошади.

Юность деда пришлась на годы революции и Гражданской

войны. В 1919 году его мобилизовали в Красную Армию. Он, естественно, попросился в кавалерию, но прослужил в ней недолго. Однажды, когда кавалеристы зашли в строю, командир настолько понравился голос рядового Козловского, что, для того чтобы сохранить его, деда перевели в тыл, в инженерные войска, а оттуда послали учиться пению в Киев.

А уже в 1924 году дед пришел на прослушивание в Москву, в Большой театр. Но, как он рассказывал, волнение помешало ему в первый же раз показать себя как следует. Вскоре он стал ведущим солистом Свердловского оперного театра. А в 1926 году его приняли в Большой театр, где он пел почти 30 лет.

Среди старшего поколения ходили досужие разговоры о его неравнодушном отношении к женщинам?

На ваш вопрос можно ответить так. Дед, как и другие творческие личности, был натурой артистической. И, естественно, ему нравилось производить хорошее впечатление на его почитателей и почитательниц, приятно было сознавать, что он нравится женщинам. Он любил делать женщинам комплименты, и его радовала их реакция. Но ведь в цивилизованном обществе это – часть светского этикета. Дедушка всегда был очень скромным, деликатным

человеком и джентльменом по отношению к женщинам. По современным меркам – просто пуританин. Никогда не позволял себе даже намека на вульгарность и тем более циничность. Богемность была ему чужда. После того как он расстался с моей бабушкой – актрисой Галиной Ермолаевной Сергеевой, вся его жизнь сосредоточилась на творчестве. В делах ему помогала секретарь Нина Феодосиевна Следина, домашнее хозяйство вела Ольга

Доходили до ноты «ми», и дальше у меня ничего не получалось. Дедушка говорил мне, что не нужно сосредотачивать внимание на трудностях и тогда получится само собой. Я пыталась следовать его совету, но из этого все равно ничего не вышло. Позже я однажды попала на мастер-класс Галины Вишневской и убедилась, что существует определенная техника для разработки голоса. Вот тогда я поняла, что дедушка не смог поставить мне голос, поскольку никогда не пре-

Фанатки пытались даже залезать к нему в окно квартиры

Николаевна Андрианова. Они долго вместе прожили в этом доме, и между ними были очень теплые отношения. Ну, и я уже говорила, что дедушка любил нашу семью.

А за рубежом Иван Семенович ни разу не гастролировал?

Насколько я знаю, деда за рубеж не выпускали. Он как-то рассказывал мне, что однажды попросил Сталина отпустить его на гастроли за рубеж, и якобы вождь народов то ли в шутку, то ли всерьез сказал ему: «Проси что угодно, только не это».

Тогда мы не знали, да и не смогли бы разгадать, чем был мотивирован ответ Сталина. Оставалось лишь предполагать, что невыездом деда сделали из-за его старшего брата, однако мы старались не обсуждать этот вопрос, так как дедушка очень любил своего брата.

Старший брат, как и он, тоже был в детстве отправлен матерью в Киев, в монастырскую школу, где получил религиозное воспитание и учился пению. Позже он даже пел в известном тогда хоре Кошица. Но в 1918 году эмигрировал в Америку. Там он жил долго, собрал свой хор и успешно выступал с концертами. Но в конце жизни полностью ушел в религию, служил в одном из православных храмов недалеко от Нью-Йорка и умер в чине протоиерея.

Иван Семенович нравился сильным мира сего, в том числе и Сталину, и я думаю, что это избавило его от жестких преследований за «грехи» брата; все ограничилось тем, что его не выпускали, как раньше говорили, за «железные занавесы». А в конце 80-х он уже никуда не мог поехать. Так что показать себя в Европе ему, к сожалению, не довелось.

А музыкальность братьев Козловских передавалась ли следующим поколениям? Проявились ли у кого-нибудь вокальные способности?

Нет, ни у моей мамы, ни у ее сестры больших вокальных способностей не выявилось.

А меня дедушка сам учил пению. Он садился за рояль, и мы начинали вместе распеваться.

Нужно сказать, что его поклонники обмануть было трудно. Они знали все: и где он живет, и когда и по каким дорожкам гуляет. Некоторые фанатки пытались даже залезать к нему в окно квартиры по водосточным трубам. Дело доходило до того, что вызывали пожарных, чтобы их снять с этих труб. А одну пришлось смывать брандспойтом.

Поклонниц у Ивана Семеновича было много. А друзей?

Дедушка был человеком общительным, но разборчивым в людях. За этим стояли сидели многие известные люди и солисты Большого театра, и актеры МХАТа, музыканты и композиторы, дети Федора Ивановича Шаляпина, известный шахматист Василий Смыслов. Однажды дед пригласил нашу примдонну Аллу Пугачеву. Имея в виду ее опыт организации и субсидирования больших культурных акций, он обсуждал с ней проект постановки оперы «Снегурочка» на одном из стадионов. У него были очень хорошие отношения с нашими знаменитыми басами Максимом Михайловым и Марком Рейзенем.

А друзей у деда было немного: Борис Шаляпин и Павел Массальский.

Два знаменитых тенора XX века – Марио дель Монако и Иван Козловский. Справа Рубен Симонов. 1959 г.

С внучкой Аней на даче в Снегирях. 1981 г.

Фото из семейного архива Анны Козловской